

И по роду занятий, и в силу убеждений отец Браун знал лучше, чем кто-либо из нас, что смерть облагораживает любого. Но даже он был ошеломлен, когда утром к нему постучали и сообщили, что убит сэр Аарон Армстронг. Сама мысль о жестоком, тайном насилии была совершенно несовместима с тем жизне-радостным образом, который жил в сердцах англичан. Ибо добродушие сэра Аарона Армстронга представлялось почти забавным, а слава его была едва ли не легендарной. Наверное, такое же впечатление произвела бы весть о том, что повесился Солнечный Джим или мистер Пиквик¹ скончался в Хэнуэлле².

Хоть сэр Аарон был филантропом и, следовательно, соприкасался с темной стороной нашего общества, он гордился тем, что всегда делал это с улыбкой на лице. Его политические и общественные выступления сопровождались водопадами шуток и веселых рассказов, которые всякий раз заканчивались «общим смехом», сам он отличался великолепным здоровьем, был настоящим, неподдельным оптимистом и обсуждал проблему пьянства (это была его любимая тема) с неизменной и даже слегка навязчивой веселостью, которая так часто является отличительной чертой совершенных трезвенников, достигших больших высот в жизни.

С более пуританских трибун и подмостков часто звучала история его обращения: как он в юном возрасте от шот-

---

¹ Солнечный Джим — созданный в 1902 г. для рекламы пшеничных хлопьев вымышленный персонаж. Мистер Пиквик — персонаж Диккенса. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

² Хэнуэлл — больница для душевнобольных в Лондоне.

ландской теологии перешел к шотландскому виски и как впоследствии перерос и первое, и второе и (как он скромно выражался) стал тем, кем он есть. Но тем, кто на бесчисленных званных обедах и конгрессах видел его широкую седую бороду, ангельское лицо и сверкающие очки, с большим трудом удавалось убедить себя, что этот человек когда-то мог быть столь жалким существом, как выпивоха или какой-нибудь кальвинист. При взгляде на него создавалось ощущение, что это самый серьезный весельчак из всех сынов человеческих.

Дом его на загородной окраине Хампстеда¹ был высоким и узким, нечто вроде современной башни, впрочем, внешне достаточно красивой. Самая узкая из его нешироких стен нависала над зеленым крутым склоном железнодорожной насыпи и содрогалась всякий раз, когда мимо проезжал поезд. У сэра Аарона Армстронга, как он сам о себе частенько говорил, не было нервов. Но если обычно поезд сотрясали дом, то в то утро роли поменялись и дом причинил потрясение поезду.

Поезд замедлил ход и остановился как раз у того места, где угол здания соприкасался с крутой, поросшей травой насыпью. Остановка большинства механических машин проходит медленно, но в данном случае живая составляющая этого процесса действовала стремительно. Человек, одетый во все черное, вплоть до (это особо запомнилось свидетелям) такой внушающей ужас мелочи, как перчатки, выскочил на рельсы впереди поезда и замахал черными руками, как черная ветряная мельница. Само по себе это не могло остановить даже медленно движущийся поезд, но человек при этом издал такой крик, который впоследствии называли чудовищным и совершенно неестественным. Это был один из тех воплей, смысл которых понятен, даже если когда мы не можем слышать слов. В этом случае прозвучало лишь одно слово: «Убийство!»

---

¹ Район на севере Лондона.

Впрочем, машинист поезда клянется, что остановил бы машину, если бы услышал даже не само слово, а одну лишь ту ужасающую и не оставляющую сомнений интонацию, с которой оно было произнесено.

Едва поезд затормозил, даже при самом поверхностном взгляде стали заметны многочисленные признаки беды. Облаченный в черное человек на железнодорожном полотне был лакеем сэра Аарона Армстронга по имени Магнус. Баронет в минуты веселья не раз смеялся над черными перчатками своего угрюмого слуги, но в тот миг никто бы не улыбнулся, глядя на него.

Как только несколько человек, выпрыгнувших из поезда, перешагнули через окутанные паром кусты, отделяющие дорогу от сада Армстронга, под насыпью они увидели тело старика в желтом халате с ярко-красной подкладкой. Ноги его были спутаны веревкой, которую завязали, судя по всему, в борьбе. Были заметны несколько пятен крови, очень небольших, но тело лежало в такой неестественной позе, которую ни одно живое существо не в состоянии принять. Это был сэр Аарон Армстронг. Спустя несколько мгновений всеобщего изумления и замешательства появился рослый светлородый мужчина, в котором несколько пассажиров поезда узнали секретаря убитого, Патрика Ройса, человека некогда небызвестного в богемном обществе и даже знаменитого среди художественной богемной среды. В более сдержанной, но еще более убедительной манере он стал вторить горестным стенаниям слуги. К тому времени, когда в сад, дрожа всем телом и покачиваясь, вышла третья из обитателей этого дома, Алиса Армстронг, дочь покойного, машинист прекратил стоянку. Раздался свисток, и поезд на всех парах помчался вперед, к ближайшей станции, за помощью.

Таким образом, отцу Брауну пришлось в срочном порядке отправиться на место происшествия по просьбе богемного

секретаря Патрика Ройса. По рождению Ройс был ирландцем, и из таких, кто вспоминает о религии только тогда, когда доходит до ручки. Впрочем, просьба Ройса, вероятно, и не нашла бы такого живого отклика, если бы один из следователей не оказался другом и почитателем Фламбо, а быть другом Фламбо и не слышать бесчисленных историй об отце Брауне невозможно. Поэтому, пока молодой сыщик (по фамилии Мертон) вел за собой маленького священника по полям к железнодорожному полотну, разговор их проходил в более непринужденной форме, чем можно было ожидать от людей, никогда ранее не встречавшихся.

— Если честно, — откровенно признался мистер Мертон, — во всем этом я не вижу смысла. Подозреваемых нет. Магнус — мрачный старый недалекий болван. Настолько недалекий, что не может быть убийцей. Ройс много лет был лучшим другом баронета. Дочь его обожала. Кроме того, это вообще в голове не укладывается! Кому могло понадобиться убивать такого старика-весельчака? Кому нужна кровь этого любителя послеобеденных выступлений? Это все равно что убить Деда Мороза.

— Да, в этом доме было весело, — согласился отец Браун. — Пока он был жив, там было весело. Как вы думаете, теперь, когда его не стало, там будет так же весело?

Мертон слегка вздрогнул и бросил на спутника оживившийся взгляд.

— Когда его не стало? — повторил он.

— Да, — невозмутимо продолжил священник. — Он был веселым человеком. Но передавалась ли его веселость другим? В самом деле, кто-нибудь, кроме него, в этом доме был весел?

Окошко в голове Мертона озарилось тем странным светом удивления, в котором мы начинаем замечать то, что нам известно давным-давно. Ему часто приходилось бывать у Армстронга по работе (занятие благотворительностью не обходится без общения с полицией), и теперь, когда он задумался, ему

стало понятно, что это был довольно мрачный дом. Холодные комнаты с высокими потолками, убогая, провинциальная обстановка, сквозняк, гуляющий по коридорам, освещенным электрическим светом, светом более тусклым, чем лунный. И хоть краснощекое лицо и серебряная борода хозяина освещали точно огнем каждую комнату и каждый коридор, через которые он проходил, тепла за собой они не оставляли. Несомненно, гнетущее впечатление, которое производил дом, до определенной степени объяснялось пышущей жизненной силой и неуывающей энергией его владельца, который, бывало, говорил, что ему не нужны ни камины, ни лампы, пока не иссякла его внутренняя теплота. И все же, когда Мертон припомнил остальных обитателей дома, ему пришлось признать, что все они тоже казались лишь тенью Армстронга. Угрюмый слуга с его жуткими черными перчатками своим видом при неожиданной встрече мог даже испугать. Секретарь Ройс, крепкий, как бык, мужчина в неизменном твидовом костюме, выглядел достаточно представительно, но в его короткой соломенной бороде странным образом пробивалась седина, а по широкому лбу пролегли преждевременные морщины. Он тоже являлся достаточно добродушным, но это было грустное добродушие, почти скорбное добродушие... Он оставлял впечатление человека, которому пришлось пережить какое-то горе. А что касается дочери Армстронга, то по ее лицу, такому бледному и чувствительному, трудно было даже поверить, что она — его дочь. Она была изящна и стройна, но сами очертания фигуры ее чем-то напоминали молодую осинку, трепещущую на ветру. Мертон иногда думал, не дрожит ли она всякий раз, когда мимо дома с грохотом проносится очередной поезд.

— Видите ли, — застенчиво моргая, произнес отец Браун, — мне кажется, что веселость Армстронга была не так уж радостна... для остальных. Вот вы говорите, что никто не мог покуситься на такого счастливого старика, но я не могу